

М. Г. Пугачева

**ИНСТИТУТ КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР, 1968—1972
ГОДЫ ***

Пугачева Марина Геннадиевна — научный сотрудник Института социологии РАН.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Социология и власть» Российского фонда фундаментальных исследований, фант 93-06-10046.

В качестве необходимого введения в тему нужны некоторые сведения о послевоенной истории советской социологии. Идея конкретных исследований в советской версии социологической теории — историческом материализме — возникла в 1950 году. Установка на «конкретность» являла собой не вполне отчетливую, но многообещающую альтернативу «схоластическому теоретизированию» и «догматизму». Противостояние определилось, когда во второй половине 50-х годов в общественную науку вошла новая генерация интеллектуалов, знающих иностранные языки и ориентированных на интеграцию советского обществоведения с западной социологической традицией. В середине 50-х годов встречаются первые упоминания о создании социологического института, а в начале 60-х этот вопрос ставился уже на довольно высоком уровне — некоторыми иерархами советской философии. Несмотря на склонность молодой генерации к разного рода ересям, она часто пользовалась покровительством сильных мира сего, в том числе тех, кто в теоретическом отношении был её антагонистом. В середине 60-х годов тематический репертуар конкретных социальных исследований и авторитеты в данной области вполне определились. Создание нового института стало делом по преимуществу формальным. Примерно в таком ключе освещается доинституциональный период советской социологии в обзорной публикации Г. С. Батыгина и И. Ф. Девятко [1].

В рамках данной статьи мы рассмотрим обстоятельства, связанные с «оформлением» Института конкретных социальных исследований АН СССР, его мощным взлетом и быстрым падением. Особый интерес, на наш взгляд, представляют архивные источники, не использованные ни в одной работе по истории социологии. В сочетании с воспоминаниями известных советских социологов, собранными авторами проекта «Социология и власть», они в значительной степени проясняют расстановку сил в профессиональном сообществе того времени.

Нужна определенная дата — отправной пункт, с которого начинается история ИКСИ АН СССР. В своей книге по истории отечественной социологии В. Шляпентох выделяет 1965-1972 гг. как отдельный период — «Золотой век» [2]. В целом разделяя его точку зрения, оставим на усмотрение читателя громкое название, но в качестве отправного пункта имеет смысл установить 15—18 ноября

1965 года. В эти дни происходило заседание Идеологической комиссии при ЦК КПСС по вопросу развития общественных наук. Вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев отметил положительное значение развертывания конкретных социологических исследований в стране и сказал, что создание института и журнала является «желательным». Это означало, что на высшем уровне возражений против нового института не имеется и оговорки Федосеева насчет трудностей с выделением помещений [3, л. 21, 31—33] свидетельствовали о том, что проблема находится на стадии обсуждения подробностей.

Идея создания института получила активную поддержку со стороны академика М. Б. Митина. В своем выступлении, в целом проникнутом «наступательным духом борьбы за ленинизм», он критиковал «оторванность» философии от практики коммунистического строительства. «А сейчас по существу в институтах идет такая работа... в основном на литературном материале, на базе библиотечных источников... Основным критерием работы... является часто их литературная продукция, выход довольно объемных, но не всегда читаемых книг,— говорил Митин —... Вместе с тем есть два института, которые надо бы организовать... Первый — это институт социологии, социологических исследований (под вторым подразумевался Институт психологии.— М. П.) Мы в этом отношении очень отстаем. Социологические исследования получили широкое развитие и в странах народной демократии, в социалистических странах, и я уже не говорю о капиталистических странах. В США расходуется на организацию социологических исследований свыше 250 млн. долларов в год, в стране работает 25 тысяч социологов... Даже сам Генри Форд II заинтересовался проблемой «человеческих отношений» на производстве и заявил, что в индустрии он считает эту проблему вторым после автоматизации средством, позволяющим удвоить и утроить производительность труда. Вопрос о создании института социологии созрел и его во что бы то ни стало надо решать. Вот тут Петр Николаевич Федосеев говорил, что нет помещений. Когда мы вышли после его доклада из зала заседания с некоторыми социологами, то говорили о том, может быть собраться и снять в порядке общественном 3-4 комнаты, для того, чтобы организовать такой институт.» [3, л. 202].

Следует отметить аргументацию, использованную Митиным для обоснования приоритетности социологии и рассмотрения ее как прикладной науки. Во-первых, социология противопоставляется «оторванности от жизни» — общая линия реформирования марксистской доктрины периода либерализации. Программная идея «нового человека» непосредственно соотносилась с социологической проблематикой и придавала ей гуманистическое звучание. Когда социологи противопоставляли себя «истматчикам», чаще всего это делалось в виде требования развивать «жизненное» направление в марксизме в противовес «безжизненным» книжным схемам. Митин улавливал эту линию очень четко. Например, он предложил «послать бригаду теоретических работников, работающих над проблемами коммунистического воспитания, на завод им. Кирова в Ленинград и действительно изучить, посмотреть, как идет становление нового человека» [4]. Во-вторых, Митин апеллировал к западному опыту. Этот аргумент действовал

особенно сильно с тех пор, как советские обществоведы стали выезжать в заграникомандировки — надо было догнать и перегнать Америку. И, в-третьих, опытный политик, Митин поставил проблему «на рельсы», указав на мизерность препятствий — «снять в порядке общественном 3-4 комнаты».

Интересы Федосеева совпадали в данном случае с интересами Митина, его врага еще с 40-х годов [5]. Федосеев был приверженцем «критики буржуазной социологии». Он не только «критиковал», но последовательно и очень аккуратно вел линию на расширение доступа ученых к зарубежным источникам: речь идет о реферировании, переводах, включении трудов по социологии иностранных авторов в планы издательств, разрешении на ротاپринтное издание западных книг, создании специального подразделения по переводам и реферированию в Институте философии. Немаловажна и его роль в организации Института научной информации по общественным наукам АН СССР.

Третья высокопоставленная фигура, обеспечившая поддержку социологическому институту в 1965 г., — академик Ф. В. Константинов, тогда директор Института философии АН СССР. «Я должен сказать и об уровне нашей работы по критике буржуазной философии и социологии, — сказал Константинов. — За последние два года только мы, в Москве, выпустили более десяти серьезных монографий... Я бы здесь указал монографии Г. М. Андреевой, Г. В. Осипова, [Д. В.] Ермоленко, Ю. Н. Семенова, Е. Д. Морджинской, Ю. П. Францева, [Г. А.] Брутяна и др.» [3, л. 248].

Тогда, в 1965 г., институт создан не был. Однако решающим шагом в процессе институционализации социологии явилось создание Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований [6]. На Научный совет была возложена координация всех проводимых в стране социальных исследований, в том числе и социологических, были сформулированы их основные направления.

Председателем Научного совета был назначен член-корреспондент А. М. Румянцев, его заместителем стал Г. В. Осипов. В бюро Научного совета также вошли Ю. Н. Гаврилец, Б. А. Грушин, М. Т. Иовчук, В. Ж. Келле, Ф. В. Константинов, М. Б. Митин, Г. А. Пруденский, М. Н. Руткевич, Т. Т. Тимофеев, Б. Н. Топорнин, Б. Ц. Урланис, А. Г. Харчев и В. Н. Шубкин. Среди членов Совета — Т. В. Рябушкин, Н. С. Мансуров, Ю. А. Левада, В. В. Лаптев, А. Г. Здравомыслов, А. А. Зворыкин, Ю. А. Замошкин, Г. М. Андреева, В. Д. Патрушев, Н. Ф. Наумова и другие. Таким образом, даже если считать позиционный конфликт между прогрессивными социологами и консервативными высокопоставленными идеологами существовавшим (а так считать есть все основания), консервативная сторона оказала своим «оппонентам» (и в какой-то мере «могильщикам») существенную поддержку.

Постановлением Президиума АН СССР сектор исследований новых форм труда и быта Института философии был преобразован в Отдел конкретных социологических исследований. Он состоял из проблемных тематических групп, ставших впоследствии ядром ИКСИ. Постановлением предусматривалось, что в дальнейшем на базе отдела «необходимо организовать Институт конкретных социологических и социально-психологических исследований» [6].

Далее события развивались следующим образом. Руководитель

отдела Г. В. Осипов вскоре становится председателем Советской социологической ассоциации, взяв на себя роль лидера в формировании научной дисциплины. Н.И. Лапин был заместителем заведующего отделом. Отдел получил помещение на улице Писцовой, и отсюда начинается его «подвальный период» [7].

16—19 февраля 1966 г. в Ленинграде проходит симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР», в котором приняли участие около 600 человек. В постановлении бюро Отделения философии и права АН СССР отмечался «рост в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Таллине и др. городах кадров специалистов, владеющих приемами конкретного исследования социальных явлений с использованием современных средств качественно-количественного анализа». Кроме того, вновь ставился вопрос об организации печатного органа социологов — на этот раз об издании в Ленинграде журнала «Социологические науки» [8].

В июне 1966 г. в АОН при ЦК КПСС проходил всесоюзный теоретический семинар «Конкретные социологические исследования и идеологическая деятельность» [9]. В апреле 1967 г. состоялось совещание в Сухуми по количественным методам в социологии. Им руководил А. М. Румянцев, который в эти же дни был избран вице-президентом АН СССР по общественным наукам. Совещание имело огромный резонанс в профессиональном сообществе социологов. По образному высказыванию одного из участников, это было выступление «формулы против цитаты» [10].

В 1967 г. ЦК КПСС собирал предложения ЦК союзных республик по проекту постановления по общественным наукам. Примечательно письмо Первого секретаря ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкуса от 16 февраля 1967 г. «Одним из тормозов в изучении диалектики советского общества является недостаток конкретных материалов исследования. В проекте этот недостаток в некоторой степени учитывается, когда речь идет о предоставлении статистических данных экономистами. Однако этого явно недостаточно,— писал Снечкус.— Для более глубокого исследования личного и общественного, межнациональных отношений, для воспитания трудящихся в духе патриотизма и интернационализма — для решения всех многочисленных вопросов развития советского общества необходимы конкретные социологические исследования. Они уже проводятся, но в их проведении царит кустарщина, необходима единая система учреждений по всей стране, единые методы исследования для того, чтобы можно было сравнить данные. Целесообразна организация всесоюзной сети научно-исследовательских институтов, которые проводили бы исследования по единой методике» [11].

К тому времени социология значительно упрочила свои позиции. Когда академик Константинов обратился в ЦК КПСС с просьбой о выделении двух вакансий членов-корреспондентов по новым направлениям, он впервые указал марксистскую социологию и научный коммунизм (как одну специальность — М. П.). Возможными кандидатурами были названы заведующий отделом научного коммунизма Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС В. С. Семенов, заведующий сектором исторического материализма Института философии АН СССР В. Ж. Келле и

заведующий отделом социологических исследований Института философии Г. В. Осипов. Одновременно на звание член-корреспондента по специальности «философия» выдвигался и М. Н. Руткевич [12, л. 19—22].

В 1968 г. на заседании Президиума АН СССР рассматривался вопрос о развитии исследований в области общественных наук в свете Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», Ц. А. Степанян предложил создать в академии Отделение научного коммунизма, но Е. М. Жуков и М. В. Келдыш резко возразили против такого нововведения [13]. Свои аргументы Степанян изложил ранее в докладной записке в ЦК КПСС: «Философия изучает общесоциологические, политэкономия — экономические, а научный коммунизм — социально-политические закономерности возникновения и развития коммунистической формации... предлагаю выделить теорию научного коммунизма в качестве специального направления в системе АН, создать Институт научного коммунизма и тем самым воссоединить в АН СССР единство всех трех составных частей марксизма-ленинизма, организовать Отделение социально-политических наук. Оно должно объединить институты, непосредственно занимающиеся комплексом социально-политических проблем: Институт научного коммунизма, ИМРД, ИКСИ». Несмотря на приложенные усилия научный коммунизм не смог укорениться в академической системе. На письме имеется помета А. М. Румянцева: надо вначале фундаментальные труды создать, кадры подготовить, а уж потом — институт создавать [12, л. 95—105].

Осенью 1967 г. начались мероприятия по созданию ИКСИ. В сентябре академик Румянцев пригласил И. В. Бестужева-Ладу и рассказал об идее создания ЦИКСИ — Центрального института конкретных социальных исследований. По свидетельству И. В. Бестужева-Лады, ЦИКСИ должен был состоять из трех институтов: Института социологических исследований, который, как предполагалось, возглавит Осипов, Института общественного мнения во главе с Грушиным и Института социального планирования и прогнозирования во главе с Бестужевым-Ладой. В каждом институте должно было быть по 74 штатных единицы [10].

Косвенное подтверждение этой версии содержится в документах, обнаруженных нами в архиве ЦК КПСС: действительно, сразу после решения об организации ИКСИ (именно ИКСИ, а не ЦИКСИ), Румянцев начал кампанию по созданию Института общественного мнения [14].

Официальной датой образования учреждения следует считать день принятия постановления Президиума АН N 509 от 14 июня 1968 г., хотя основные направления работы института были определены позже постановлением ЦК КПСС от 10 декабря 1968 года. ИКСИ был образован на базе Отдела конкретных социологических исследований в Институте философии. Приказ об упразднении Отдела в структуре этого института и перевод сотрудников в ИКСИ издан 29 октября 1968 г., а само упразднение должно было произойти с 15 ноября 1968 года [15].

Постановлением Президиума Академии наук СССР определялись следующие важнейшие задачи института: 1) проведение

систематических конкретных социальных исследований для оказания научной помощи партии и государству в управлении социальными процессами, в повышении эффективности общественного производства, в культурном строительстве, совершенствовании системы коммунистического воспитания и методов идеологической работы, 2) изучение теоретических, методологических и методических проблем конкретных социальных исследований, 3) координация конкретных социальных исследований, проводимых лабораториями, группами, секторами и отделами учреждений АН СССР, 4) подготовка специалистов... через аспирантуру и систему стажировки, создание учебно-методических пособий, активное участие в пропаганде знаний по методологии, методике и технике конкретных социальных исследований [16].

Научная жизнь в Институте конкретных социальных исследований была организована в основном по «проектному принципу». Эта традиция пришла вместе с отделом Г. В. Осипова из Института философии и заключалась в следующем: исследование по научной теме открывалось после достаточно длительного периода экспертиз; работа начиналась в тематической группе, основной задачей которой являлась разработка программы; группа создавалась на срок от двух до шести месяцев, рассматривалась администрацией как временное подразделение и могла, в зависимости от важности темы и объема работ, иметь статус сектора; после успешного завершения работы, если программа утверждалась дирекцией и имелись необходимые материальные средства и лимиты по труду, группа реорганизовывалась в изыскательский проект.

Изыскательский проект занимался разработкой программы генерального проекта. Он имел статус сектора и считался «относительно постоянным научно-административным подразделением», его руководитель всегда занимал должность заведующего сектором. Изыскательский проект создавался на срок от четырех месяцев до одного года и имел в своем составе от четырех до десяти человек. Если разработанная изыскательским проектом программа генерального проекта утверждалась Дирекцией и Ученым Советом, проект реорганизовывался в генеральный.

Программа генерального проекта отличалась от программы изыскательского следующими дополнительными требованиями: наличием полного и точного перечня объектов исследования, апробацией рабочих документов (т. е. требовалось проведение пилотажа методик), созданием программы машинной обработки и математического анализа данных, а также поэтапного плана исследования. Необходимым условием любой программы был перечень организаций и учреждений, заинтересованных в выполнении данной темы. Срок реализации генерального проекта устанавливался от одного года до четырех лет. Генеральный проект имел статус отдела, его руководитель назначался заведующим отделом. Решение о создании изыскательского или генерального проекта принималось дирекцией после длительного процесса рецензирования (требовались внутренняя и внешняя рецензии) самой заявки, результатов предварительной работы тематической группы или изыскательского проекта. Учитывалось заключение финансовой комиссии ИКСИ, и только потом вопрос обсуждался на Ученом Совете.

Подобная схема работы существовала скорее на бумаге. В жизни система проектов решала проблему статуса руководителей. Идея развертывания трех институтов, естественно, начала пробуксовывать. По академическим законам самостоятельную фигуру представлял только заведующий сектором, а в институте уже имелось примерно 15 человек, претендующих на сектора.

И. В. Бестужев-Лада рассказывает об этом так: «И тогда было решено отказаться от идеи ЦИКСИ, образовать ИКСИ, половину подразделений отдать [Ф. М.] Бурлацкому и его ребятам — [А. А.] Галкину, [Г. С.] Лисичкину — под политологию, а половину — всего 100 человек, разделить между 13 социологами, и, в конечном итоге, так и было решено. Наиболее продвинувшимся группам — Осипову и Грушину — дали человек 20, и было решено, что будут изыскательские проекты из трех-пяти человек и генеральные проекты из 15—20 человек. Генеральные проекты получили Осипов вместе с Лапиным, Грушин и Кон. Но у Кона был теоретический проект, поэтому людей было мало, а основная часть — почти половина — досталась Грушину и Осипову» [10].

Итак, проект (изыскательский или генеральный) объединял группу квалифицированных специалистов для решения конкретной теоретической проблемы. Из социологического отдела Института философии в ИКСИ перешли следующие генеральные проекты: «Методология, методика и техника социологических исследований» (руководитель Ю. А. Левада), «Труд, коллектив и личность в условиях экономической реформы» (руководитель Г. В. Осипов), «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» (руководитель Б. А. Грушин), «Социальные аспекты воспроизводства, распределения и использования трудовых ресурсов» (руководитель В. Г. Васильев).

В отчете о работе Института за 1969 г. выделено три научных направления: 1) теория организации социального объекта (планирование, прогнозирование, управление); 2) теория управления социальными системами; 3) история социологии и критика современных буржуазных теорий [17, л. 2]. Первое направление, как представляется, имело приоритетный характер. Здесь разрабатывались вопросы социальной структуры и социального планирования, мотивации труда и внутри-групповых отношений, методика моделирования социальных процессов. В рамках этого направления действовал изыскательский проект В. А. Ядова «Влияние осознанных ориентации на поведение личности», к концу 1969 г. изменивший свое название на «Роль осознанных ценностных ориентации личности в реальном (явном) поведении в сфере труда и досуга» [15, 18, л. 1]. Надо сказать, что проекты очень часто меняли свои названия — частично это фиксировалось в приказах по личному составу института, но в других документах, например, отчетах или протоколах заседаний дирекции с названиями обращались вольно. Была сделана попытка присваивать проектам буквенно-цифровые коды. Так, проект Ядова назывался «Ценностные ориентации — ЦО», проект Грушина «Общественное мнение — ОМ [индекс 13]».

Отдел Г. В. Осипова в 1969 г. разрабатывал одновременно восемь-десять тем, связанных так или иначе с промышленной

социологией. Опросы велись на Втором Московском часовом заводе, на Харьковском производственном объединении «Детодожда», на Альметьевских нефтепромыслах.

Одной из крупных научных тем была «Социальная организация промышленного предприятия». В проекте принимали участие Н. И. Лапин, М. И. Бобнева, Н. Ф. Наумова, А. И. Пригожий, В. В. Колбановский, Э. П. Андреев, Ю. Б. Самсонов, О. И. Шкаратан, Л. И. Бляхман и А. В. Баранов (из Ленинграда) [17, л. 117, 118].

Генеральным проектом (на правах сектора) «Функционирование общественного мнения и деятельность государственных институтов в условиях города» руководил Б. А. Грушин. В 1969 г. «социологический табор» побывал на полигоне в Таганроге, где осуществлялся комплекс социологических и экономических исследований, который курировал Л. А. Оников из Отдела пропаганды ЦК КПСС. Грушиным была собрана первичная информация и началась обработка данных. На руководимых им семинарах самым тщательным образом обсуждались концепция и инструментарий исследования общественного мнения. Грушин обозначил цель этих обсуждений так: «Мне надо [было] изложить свои идеи, и чтобы Лапин и Денисовский слушали и задавали мне каверзные вопросы» [7]. В 1969 г. вышел первый сборник материалов этого проекта и семинара, получившего название «47 пятниц» [19]. В конце 1969 г. достаточно отчетливо прорисовались основные темы проекта: общественное мнение о престиже профессий; отношение аудитории к средствам массовой коммуникации как источнику информации; устная массовая пропаганда как источник информации; содержание писем в государственные и общественные организации и ответы на них; внештатные корреспонденты органов массовой коммуникации; анализ деятельности депутатов местных советов; личные контакты руководителей с населением; общественное мнение об экономической реформе; влияние семиотической подготовки аудитории и информативности текста на уровень информированности населения [17, л. 5—6].

Фрагмент отчета о работе авторского коллектива «Методология исследования социальных изменений» под руководством Ю. А. Левады краток. Сообщается лишь, что сотрудниками сектора подготовлены и опубликованы научные статьи и монографии объемом 39 авторских листов (это около тысячи страниц) и сделаны шесть докладов на конференциях [17, л. 7].

Отдел В. Н. Шубкина разрабатывал социологические проблемы образования, фактически продолжая методологическую программу, которая началась в Новосибирске. Речь шла о выборе профессии и социальной адаптации молодежи на материалах опроса трех тысяч выпускников школ Московской области (1967—1968 гг.).

Изыскательский проект И. В. Бестужева-Лады занимался прогнозированием духовных потребностей молодежи. Эта работа, претерпев некоторую эволюцию, продолжалась до 1975 г. и завершилась выходом в свет книги «Прогнозирование социальных потребностей молодежи» [20]. Тема молодежи явилась неожиданностью для самого Бестужева-Лады: «Все ставки разделены между людьми, которые представляли собой референтную группу, я был аутсайдер, поэтому мне ни одной ставки

не досталось... ко мне обратились из ЦК ВЛКСМ и поэтому там мне дали пять ставок. Ко мне перебежала от Осипова Зоя Алексеевна Янкова и сказала: «Ваши — идеи, а я берусь организовать конкретное социологическое исследование». Поскольку в Москве места не было, сектор переехал в Дубну и целый год работал в пустующей гостинице Института объединенных ядерных исследований. Было заложено сразу два исследовательских проекта: «Прогнозирование в социологических исследованиях» и «Прогнозирование социальных потребностей молодежи» [10]. Проект Бестужева-Лады вызывал устойчивое сопротивление Ученого совета: «Меня восхищает смелость Игоря Васильевича,— говорил на заседании дирекции Ю. А. Левада,— эта уверенность меня восхищает, но не убеждает...» [18, л. 33].

Теория управления социальными процессами составляла особое научное направление. Во главе его стоял Ф. М. Бурлацкий, второй заместитель директора ИКСИ. В «команде» Бурлацкого были А. А. Галкин, руководивший авторским коллективом на правах отдела «Социальная структура и общественно-политическая деятельность», Н. А. Сидоров, Н. С. Мансуров. Здесь же работали опытные публицисты Е. А. Амбарцумов, Л. В. Карпинский.

Исследования, проводимые в рамках направления Ф. М. Бурлацкого, были связаны преимущественно с разработкой аналитических документов для ЦК КПСС. «Бурлацкий уже тогда считал себя политологом, это слово произносил временами с гордостью: «Вот, значит, как политолог, я знаю, что происходит в социальных институтах, но как социолог, я выучил одно: люди живут шайками» [21].

В отчете за 1969 г. указывается, в частности, что по заданию ЦК КПСС сотрудники сектора Н. С. Мансурова принимали участие в работе двух бригад ЦК КПСС в Горьком и Калининне, где были проведены исследования на 14 предприятиях [17, л. 10]. Ориентация политологического направления на сотрудничество со «Старой площадью», конечно, не означала, что Бурлацкий, Галкин, Сидоров, Мансуров и Лисичкин были, в отличие от «осиповцев», политически ангажированными учеными. То обстоятельство, что из 32 записок 16 направлены в ЦК и другие партийные инстанции, говорит о том, что весь ИКСИ работал на партию [17, л. 20]. Это считалось одной из основных задач деятельности института, провозглашавшихся не только в официальных постановлениях и решениях Президиума Академии, но и в выступлениях на дирекции или Ученом совете.

С самого начала ИКСИ считался «партийным» институтом. Из 350 сотрудников 143 состояли в партии и комсомоле (данные за 1970 г.) [22, л. 68]. Социологические исследования в ИКСИ, как правило, велись по заказам партийных органов. Роль заказчика в данном случае не следует преувеличивать. Речь шла скорее о ритуале, демонстрирующем актуальность исследовательского проекта и обеспечивающем какую-никакую защиту от неожиданностей. Так, в июле 1971 г. «в целях более оперативного сбора материалов по изучению общественного мнения среди населения г. Ленинграда» на основе сотрудничества с Ленинградским обкомом КПСС была организована специальная группа ИКСИ, возглавляемая Б. М. Фирсовым. В 1970 г. в институте была создана социологическая группа по изучению проблем партийной работы. В рамках такого

рода альянсов решалась проблема организации полевого этапа исследования, поиска респондентов, оплаты интервьюеров и т. д.

Вопрос о работе на партию ставился каждый раз заново в зависимости от личных убеждений и приоритетов исследователей. Так, если для многих высшим научным достижением была справка для ЦК КПСС, то, например, Г. С. Лисичкин последовательно и осторожно, насколько это удавалось, проводил идею рыночной экономики и занимал самостоятельную позицию в науке, создававшую ему репутацию инакомыслящего. Аналогичная репутация была у многих. Однако никаких признаков диссидентского движения в ИКСИ не наблюдалось, по крайней мере явно. Поэтому свидетельство И. Г. Земцова, эмигрировавшего в Израиль, об арестах сотрудников, которое он приводит в своем докладе о состоянии советской социологии, кажется преувеличением [23].

Наиболее заметным из прикладных исследований того времени был опрос читателей центральных газет, которым руководил В. Э. Шляпентох. В Ленинграде Б. М. Фирсов вел опросы телезрителей. Все это в глазах непрофессионалов выглядело весьма экзотическим, немного таинственным, и вокруг социологов создавалась атмосфера восторженности и ожидания чудесных открытий. Сами же социологи не опровергали подобных ожиданий.

И, наконец, в структуре ИКСИ был создан генеральный проект «История социологии», возглавляемый И. С. Коном. Примечательно, что в наименовании проекта не фигурировал традиционный термин «критика». Идея создания «Истории социологии» была выдвинута И. С. Коном и обсуждалась дирекцией ИКСИ 5 марта 1969 года. Первые два тома включали историю социологии на Западе, а третий том предполагалось посвятить истории марксистской социологии в СССР и социалистических странах. Этим занималась группа Б. А. Чагина. Уже тогда было ясно, что до третьего тома дело не дойдет [18, л. 8—10].

Несколько особое положение в институте занимал отдел А. А. Зворыкина, занимавшийся социологией науки. Работа его подразделения велась по заданию Госкомитета по науке и технике при Совете Министров СССР и Президиуме АН СССР (Постановление N 341 от 31 июля 1969 г.). Была определена следующая тематика исследований: математическое моделирование социальных проблем науки (методов количественной оценки науки, изменения структуры науки), социальные проблемы организации и управления наукой, методика контроля и оценки работы коллективов. Предполагалось издать книгу «Научная политика СССР». Благодаря высокому авторитету А. А. Зворыкина, результаты работы доходили до высоких инстанций, в том числе до ЮНЕСКО, где некоторое время Зворыкин работал представителем СССР. В 1969 г. записка «Научная политика в СССР» получила высокую оценку ГКНТ СМ СССР. Стиль А. А. Зворыкина отражал удивительное сочетание административно-политического опыта и светлого, восторженного изумления перед миром.

В феврале 1969 г. был утвержден ленинградский сектор изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентации и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Под руководством В. А. Ядова в секторе работало шесть научных

сотрудников: Э. В. Беляев, Л. В. Борзикова, В. В. Водзинская, В. Н. Каюрова, Г. И. Саганенко, А. П. Сопиков [17, л. 96, 97]. Это была команда социологов, перешедшая из НИИКСИ при Ленинградском университете. После ухода с поста директора Б. Г. Ананьева, у В. А. Ядова возник серьезный конфликт с Д. А. Керимовым, и Ядов принял предложение Г. В. Осипова о переходе в ИКСИ. Однако перейти целой лабораторией не удалось, внедрялись постепенно явочным порядком [21]. Впоследствии из этой команды сложилась мощная ленинградская социологическая школа.

«Ядовцы» занимались тогда отработкой тест-методик по ценностным ориентациям и пилотажными опросами в конструкторских бюро и научно-исследовательских институтах Ленинграда. Школа становилась знаменитой. В. А. Ядов в те годы исключительно много сделал и для социологического образования. Он читал лекции не только в Ленинграде, но и в Эстонии, где опубликовал ротاپринтный учебник по методам [24]. В 1969 г. Ядов ездил в Свердловск читать курс лекций «Методология и методы социологического исследования» в Уральском университете у М. Н. Руткевича, создавшего к этому времени влиятельную уральскую социологическую школу [17, л. 100].

Система проектов дополнялась функциональными подразделениями. Отдел оперативных социальных исследований возглавлял В. Г. Васильев. Отдел был создан для выполнения в сжатые сроки исследований прикладного характера в основном по заказам директивных органов. Предполагалось, что в процессе своей работы здесь будут проходить апробацию методики всего института. Единственная продукция этого отдела — докладные и информационные записки в партийные и комсомольские органы. Именно здесь было проведено множество опросов на промышленных предприятиях.

Отделом организации и методики конкретных социальных исследований руководил В. В. Колбановский. Это подразделение осуществляло планирование и нормирование исследований, построение выборки, поиск объекта, полевой сбор информации и ее первичное кодирование, а также машинную обработку. Собственных исследований отдел не проводил. В дальнейшем на него были возложены функции подготовки учебных пособий, общесоюзных стандартов. На Отдел методики пытались возложить функции организации хранения и сбора социальной информации. Информационным отделом руководил Б. С. Орлов.

Таким образом, в институте сложилась система разделения «социологического» труда, когда одни «придумывали программу», а другие осуществляли ее на практике. Процесс «придумывания» мог длиться бесконечно долго, не имея конкретного результата. (Это, кстати, отмечал и М. Н. Руткевич, когда пришел в институт) [25].

Вряд ли имеет смысл искать систематику в конгломерате генеральных и изыскательских проектов на правах отделов, функциональных отделов, секторов. Эти институции создавались ситуативно, что называется «под человека». Некоторые подразделения существовали номинально, примыкая к кому-либо из мэтров. Разумеется, столь демократическая структура научного учреждения не могла не способствовать возникновению межличностной напряженности и периодических столкновений, в

результате чего Институт конкретных социальных исследований оставил о себе воспоминания столь же яркие, сколь и печальные. Это был период «вольницы», период радикального социологического активизма, период надежд и разочарований.

Престиж социологии был исключительно высок. Многие молодые обществоведы стремились попасть в ИКСИ. Характерны цифры приема в аспирантуру в 1968—1969 годах. Всего было подано 51 заявление, принято 29 человек, из них в очную — 15. В октябре 1969 г. институту было выделено дополнительно 11 мест [17, л. 32, 33]. На 1 января 1970 г. вместе с прикомандированными из союзных республик в аспирантуре ИКСИ числилось 76 человек. Среди первых аспирантов института Н. В. Андреев, В. Д. Воинова, Т. М. Дридзе, В. С. Коробейников, И. В. Ладодо, В. И. Староверов, Е. Х. Нерсесова, В. И. Чупров, И. В. Казаринова, Е. С. Петренко, А. Д. Ковалев, А. Б. Гофман, И. В. Катрич — очень разные люди, которые составили вторую генерацию советских социологов [15].

Ситуация в институте в 1968—1971 годах была уникальной. А. М. Румянцев, будучи чисто номинальным административным руководителем, создал, как вспоминает В. А. Ядов, «прекрасную либеральную атмосферу. Лишь временами он собирал руководство Института — руководителей крупных проектов, отделов, заместителей директора — и просто мы говорили на разные темы, как правило, даже не столько административные вопросы обсуждались... его интересовало содержание, как у нас идут дела, в каком направлении, какие проблемы будем изучать. Румянцев активно настаивал на том, чтобы мы использовали госстатистику, потому что социологи ею вообще пренебрегали... Он сказал на одном собрании, довольно узком: «Вы знаете, когда размышляю о ситуации в нашей стране, в обществе в целом, я думаю, что все формации возникли естественным путем и только социалистическая формация возникла организованно — путем организованных действий масс. Не отсюда ли все наши проблемы? Вот над этим надо подумать». Он вообще иногда собирал нас за тем, чтобы предложить какую-нибудь генеральную философскую идею: «Подумайте над этим...» Ничего не диктовал, не вникал детально ни в один проект. Но предлагал какой-то предмет для размышлений» [21].

Атмосфера была свободной, но институт был расколот на два враждебных лагеря, возглавлявшихся двумя заместителями директора Осиповым и Бурлацким (Приказ номер 1 от 08.07.68 г. гласил о возложении исполнения обязанностей директора на время отпуска Румянцева одновременно на Бурлацкого Ф. М. и Осипова Г.В.). Шла «война» за ставки, помещения, влияние на директора. Информационный бюллетень имел две редколлегии, возглавляемые заместителями директора, сам редакционно-издательский отдел состоял из двух информационных секторов [26, л. 38]. Даже распоряжения по Институту подписывались одновременно двумя заместителями директора, иначе документ считался недействительным. Одной из причин такого положения можно считать личную неприязнь Осипова и Бурлацкого. Этому были основания. В фонограммах Историко-социологического архива имеется следующее свидетельство: «Осипов всегда считал директором института себя, и действительно он долго и много пахал для социологии. В 1966 г. в журнале «American Sociologist»

Т. Парсонс написал, что в СССР создан Институт социологии, а его директор — Осипов. Видимо, Осипов сам говорил об этом. А Бурлацкий был ближе к Румянцеву. Это была команда журналистов, сложившаяся в «Правде» и «Проблемах мира и социализма». Лен Карпинский, Галкин, Геннадий Лисичкин... Осипов, вероятно, считал, что они пришли на готовое, и, действительно, до определенного времени нельзя было произносить слова «социология», «мобильность» и т. п. [27].

В результате ИКСИ был фактически поделен на два самостоятельных института, каждый со своей внутренней дирекцией, поскольку заместители директора полностью контролировали свои Ученые советы, имели свои квоты на публикации, свою аспирантуру. Кабинеты Бурлацкого и Осипова имели одну общую приемную, налево и направо располагались их апартаменты, и заседания часто шли параллельно. Все это сказывалось и на отношениях сотрудников.

Условия, в которых приходилось работать социологам, были довольно скромными. В 1969 г. Институт переехал из подвала на Писцовой улице в типовое школьное здание по улице Новочеремушкинской, 46, которое он, однако, делил с Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР. Некоторые сектора квартировали в случайных помещениях, арендуя, например, Шахматный клуб; сектор Ядова в Ленинграде снимал комнату в 12 квадратных метров, Бестужев-Лада обосновался в Дубне. Все это воспринималось с обидой, т. к. первоначально институту было выделено респектабельное здание бывшего Секретариата СЭВ (улица Кржижановского, 20 / 30). Однако его отдали Черемушкинскому райкому партии и райисполкому. Специальным постановлением ЦК КПСС от 22 мая 1968 г. было принято решение о предоставлении другого помещения. Но все попытки Румянцева отобрать здание назад (имеются письма на имя Л. И. Брежнева) не увенчались успехом [12, л. 72—74].

На протяжении всей истории института большим оставался вопрос о возможности проведения хоздоговорных работ. Летом 1970 г. Румянцев обращался в ЦК КПСС с просьбой о предоставлении институту права не только самостоятельно заключать договоры, но решить эту проблему в принципе — организовать Центр изучения общественного мнения. В качестве весомых аргументов служили 52 научно-исследовательские темы, под которые уже существовали заказы. Как мы упоминали, в дальнейшем на базе Центра Румянцев предполагал создать самостоятельный Институт общественного мнения.

Отдел конкретных социологических исследований Института философии, а затем и ИКСИ пытались использовать Советскую социологическую ассоциацию для оформления через ее расчетный счет хоздоговорных работ. Проведенная в августе—сентябре 1972 г. ревизия «вскрыла» подобные факты, в частности историю с московским областным шахматным клубом, где проводились научно-исследовательские работы по темам «Прогнозирование социально-политической картины мира до 2000 года» и «Прогнозирование средств и методов автоматизации управления предприятием» [28]. Это послужило официальным поводом для снятия Г. В. Осипова с поста Председателя ССА: «За допущенные

нарушения... бывшему председателю Советской социологической ассоциации заместителю директора Института социологических исследований АН СССР д. филос. н. Осипову Г. В. объявлен строгий выговор, с него взыскана сумма в размере одной трети месячного должностного оклада».

28 ноября 1969 г. в повестке дня дирекции ИКСИ значился вопрос «О мерах по повышению идейно-теоретического уровня материалов, публикуемых в «Информационном бюллетене». Подразумевались «идейные ошибки» Ю. А. Левады, допущенные им в «Лекциях по социологии». К тому времени идеологическая охота была в разгаре: 20—24 ноября уже прошло обсуждение «Лекций» в Академии общественных наук при ЦК КПСС, и Г. В. Осипов, явно вдогонку, посвятил свой доклад доказательству того, что «Лекции» Левады — его личная инициатива, не имеющая прямого отношения к деятельности института. «Знаменем института,— сказал Г. В. Осипов,— являются такие работы, как «Социология и идеология», «Социальные проблемы труда и производства»,... такие исследования, как «Общественное мнение и функционирование социальных институтов в условиях города», которое проводится совместно с Отделом пропаганды ЦК КПСС, «Роль ценностных ориентации в определении поведения человека», проведенное совместно с Ленинградским обкомом и горкомом партии...» [18, л. 60].

Было предпринято все, чтобы отмежеваться от Левады. Лекции он читал в Московском университете еще в 1967 г., текст лекций, естественно, не обсуждался на редколлегии «Информационного бюллетеня» и не рецензировался. Никому не приходило в голову, что удар может прийти именно по этой книге. Еще 26 сентября 1968 г. в приказе № 4 по институту говорится: «В 1967—68 учебном году на факультете социологических исследований Вечернего университета марксизма-ленинизма при МГК КПСС с большим успехом выступили с чтением лекций научные сотрудники Института конкретных социальных исследований. Лекции были прочитаны на высоком профессиональном и идейно-теоретическом уровне и восприняты слушателями с большим интересом (...). Приказываю объявить благодарность д. филос. н. Леваде Ю.А.» [15].

А в ноябре 1969 г. «Лекции» обсуждали на заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В Историко-социологическом архиве ИСАИ сохранился протокол обсуждения «Лекций». Этот документ показывает неопределенность обвинений против Левады, за исключением «недостаточного освещения вопроса о неразрывной связи принципов исторического материализма как общесоциологической теории». Говорилось также о том, что в «Лекциях» не нашли отражения некоторые существенные аспекты идеологической борьбы и критики современной буржуазной социологии, имеются неточные и неудачные формулировки, дающие основание для туманных толкований ряда проблем» [29]. Суть дела заключается не в конкретных ошибках, а в «образе» левадовской книги. Генеральная идея «Лекций» была воспринята многими социологами примерно так: «Социология — это наука о механизмах стабилизации, механизмах функционирования, а не механизмах развития. Марксизм всегда акцентирует внимание на развитии,

противоборстве, противоречии. Социология же в состоянии заниматься обществом вообще, конкретным обществом, в котором, однако, происходят процессы, свойственные всем общественным системам. В то время это было некой претензией на теоретическое переосмысление марксизма» [21].

Г. В. Осипов в своем выступлении на дирекции, собравшейся в спешном порядке сразу же после обсуждения книги в АОН, давал мягкую версию обвинений со стороны партийных социологов, и всем было ясно, что сопротивление вызовет более тяжелые последствия. Понимал это и сам Ю. А. Левада. «Я допустил серьезную ошибку,— сказал он, имея в виду недооценку критического внимания к книге...— Я позволил себе выпустить элементарное изложение понятий социологии в очень краткой форме... Вероятно, нужно было очень тщательно переработать структуру и характер изложения». Урок, полученный в результате дискуссии, Левада пообещал учесть и использовать в работе. Окончательное решение нужно было незамедлительно доложить в ЦК КПСС, и директор института А. М. Румянцев взвешивал каждое слово. Он не обвинял автора и не признавался в ошибке. Румянцев понимал, что политическая ответственность социологов — неоспоримый факт, и любые теоретические положения немедленно будут иметь политический отзвук. «На кого мы работаем? — спросил директор.— Кто является заказчиком по конкретным социальным исследованиям?» И ответил: «Партия и правительство. У нас два заказчика и нет никаких иных заказчиков, кроме этих двух. Поэтому наши выступления имеют не только теоретический, но и сугубо политический характер. Мы даем материал для научной политики, для правильной политики общества, строящего коммунизм» [18, л. 68].

Опытный политик, А. М. Румянцев расставил акценты так: «Появилась работа под грифом института. А кто дал этот гриф? Неизвестно. По чьему разрешению? Неизвестно. Работа, которая в плане института не имела места, и вместе с тем имеет гриф института. Разве это не говорит о безответственности?» Это был оптимальный выход из ситуации: признаваться в ошибке и вместе с тем снимать с себя ответственность, по возможности не перекладывая ее на других. Такова была главная идея решения дирекции: Леваде было указано на поспешность и снижение требовательности. «Мы должны со всей беспощадностью отнестись к себе... Все мы до глубины души преданы своей стране, власти, партии — у меня нет сомнений, но такая легкость и такое отношение приводит к чрезвычайно неприятным последствиям» — эти слова директора должны были выполнить роль спасательных кругов.

Вот какую версию происшедшего выдвигает В. Н. Шубкин. «Левада не сам по себе привлек внимание ЦК КПСС. Дело было в директоре ИКСИ А. М. Румянцеве, который до этого возглавлял «Проблемы мира и социализма». Его люди работали в международных отделах ЦК и были влиятельны. Трапезников, завотделом науки, сказал так: «Надо обрезать пражский хвост». Поэтому было задумано устроить разгром Левады, Румянцева и других. Нажим был очень сильный. Обсуждали «Лекции» и в ИКСИ, и в Академии общественных наук. Почти все социологи выступали в защиту Левады. Грушин заявил Константинову: «Вы не стоите, а

лежите на позициях марксизма» [30]. Так ИКСИ превратился в камень, который тянул Румянцева ко дну.

Почему же объектом идеологических нападок оказался Левада? Сам Юрий Александрович объясняет ситуацию так: «Для меня все было довольно случайно. Случайно потому, что я пошел на факультет журналистики читать лекции и читал их четыре года. Так бы продолжалось долго, если бы не пришла в голову мысль их издать. Курс издали в виде двух книжечек, это было уже в 1969 году. И это очень скоро вызвало скандал... Сами по себе эти вещи особого шума не стоили, я им особого значения не придаю. А шум получился потому что...— междуцарствие... После Чехословакии (имеется в виду ввод советских войск в Прагу в 1968 г.— М. П.) началась серия зажимов, в частности волна дошла до ИКСИ. Им очень не нравилось, что во главе ИКСИ стоял главный либерал тех времен Румянцев и что там можно было разные вещи делать. Сами по себе — ничего особенного, но отличающиеся от принятых тогда стандартов... Надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль. И прикрутить ИКСИ, который не нравился вообще нашим философским к(.неразборчиво), ведь нет никакой социологии, отличной от философии. Философия — это истмат и диамат и ничего другого социологического быть не должно.

К сожалению, я вел себя достаточно сдержанно. Очень мало отвечал по существу, хотя отвечал. Может быть, есть там одна фраза, которая делала жуткий скандал — о личности и об обществе — о сложности личности и о примитивности общества. «Личность в наше время подвергается разного рода давлению» — эта фраза была сказана в 1966 году в лекции и не носила общественно-политического смысла. Но в 1969 году она была расшифрована как «чехословацкая» фраза» [31].

Действительно, ситуацию с критикой «Лекций» Ю. А. Левады следует рассматривать в контексте консервативной реакции и, в частности, целой серии «обсуждений» книг по общественным наукам. В апреле 1970 г. под удар попала книга П. В. Копнина «Философские идеи Ленина и логика», где автор «пытался дополнить общепринятое определение предмета марксистско-ленинской философии как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления положением о «человеке и проекции его бытия в будущее» [14, л. 19]; в мае этого же года в Институте философии была осуждена книга «Ленинизм и диалектика общественного развития». Авторы — Е. Г. Плимака и Г. С. Батищева — разгромили на партийном собрании и партбюро Института философии, о чем за подписью зав. отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова была составлена справка. Вопрос был далее вынесен на рассмотрение ЦК КПСС [14, л. 22—27]. В декабре 1970 г. в ИКСИ аварийно обсуждалась книга «Моделирование социальных процессов». Идея книги заключалась в самостоятельности социологии как конкретной науки. Социология «изучает то, что философия никогда не может изучать,— говорил на заседании Совета дирекции Н. И. Лапин.— Если это сейчас зачеркнуть, мы откажемся от самих себя» [26, л. 48].

В документах Отдела науки ЦК КПСС имеется записка МГК КПСС за подписью Первого секретаря В. В. Гришина об итогах обсуждения «Лекций» Ю. А. Левады. «МГК КПСС считает

необходимым информировать о том, что в курсе лекций по социологии, прочитанном в 1967—1968 учебном году на факультете журналистики МГУ зав. сектором Института конкретных социальных исследований АН СССР, д. филос. н. Левадой Ю. А. (Директор института ак. Румянцев А. М.) были допущены серьезные ошибки идейно-теоретического характера,— отмечалось в записке.— Указанный курс по рекомендации парткома МГУ обсуждался на кафедре философии гуманитарных факультетов и был подвергнут серьезной критике. Однако т. Левада не только не внес необходимых исправлений и продолжал читать лекции по не переработанному курсу, но и в марте—мае 1969 г. опубликовал их на ротапринте в Информационном бюллетене № 20-21 (серия «Методические пособия», тираж около 1000 экземпляров) Института конкретных социальных исследований, Советской социологической ассоциации и Научного Совета по проблемам конкретных социальных исследований. Редколлегия Информационного бюллетеня (гл. редактор коммунист Колбановский) приняла лекции к опубликованию без рецензирования, обсуждения и рекомендации дирекции Института.

В опубликованном курсе лекций по-прежнему содержатся серьезные ошибки. Лекции не базируются на основополагающей теории и методологии марксистско-ленинской социологии — истмате и диамате. В них отсутствует классовый, партийный подход к раскрытию явлений социальной действительности, не освещается роль классов и классовой борьбы как решающей силы развития общества, не нашли должного отражения существенные аспекты идеологической борьбы, отсутствует критика буржуазных социологических теорий. Материал курса изложен абстрактно, в отрыве от практики коммунистического строительства. Имеются незрелые ошибочные формулировки, дающие повод для двусмысленного толкования важнейших политических вопросов.

Опубликованный курс лекций обсужден в АОН при ЦК КПСС и в Институте конкретных социальных исследований АН и подвергнут всесторонней научной критике. По поручению МК КПСС вопрос об издании данного курса рассмотрен в партийной организации Института и на бюро Черемушкинского РК КПСС. За чтение и опубликование курса лекций, содержащих серьезные идейно-теоретические ошибки д. филос. н. коммунист Левада освобожден от обязанностей секретаря партийной организации ИКСИ АН СССР, выведен из состава партийного бюро. Бюро РК КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. Главному редактору «Информационного бюллетеня» коммунисту Колбановскому за грубое нарушение правил издания рукописей объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Тов. Левада освобожден от работы по совместительству в МГУ и лишен звания профессора.

МК КПСС и Черемушкинский райком партии обратили внимание дирекции и партийного бюро Института конкретных социальных исследований АН СССР на отсутствие должного контроля за идейно-теоретическим содержанием публикуемых материалов и потребовали усиления работы по воспитанию коммунистов и всех научных сотрудников в духе высокой ответственности за чистоту марксистско-ленинской теории и

соблюдение партийных принципов развития социологической науки» [14, л. 16—17].

После «дела Левады» ситуация в Институте некоторое время была неопределенной. Однако это был еще не разгром. Институт продолжал жить нормальной жизнью. Научные темы продолжали разрабатываться в рамках исследовательских проектов. На заседаниях дирекции в 1970 г. обсуждались заявки на изыскательский проект А. А. Галкина «Исследования воздействия динамики социалистического строительства общества на общественно-политическую ориентацию и поведение больших социальных групп в условиях научно-технической революции» и А. А. Зворыкина «Наука как социальная система, законы ее развития и механизмы функционирования» [26, л. 15]. В основном же работа шла по следующим направлениям: изучение социальной структуры социалистического общества, совершенствование управления социальными процессами, методика и техника планирования деятельности трудовых коллективов, социальная психология и проблемы коммунистического воспитания, опросы общественного мнения, критика буржуазных социальных теорий. Новым было изучение проблем социальной демографии [22, л. 1—3]. В 1970 г. не были оставлены мечты о преобразовании ИКСИ в ЦИКСИ. «Считать целесообразным реорганизовать его в Центральный институт конкретных социальных исследований... решить вопрос о создании Института общественного мнения». Реакцией на обсуждение «Лекций» Левады можно считать лишь фразу в отчете о работе института за 1970 г. «Усилить критику реакционных социологических концепций... подвергнуть детальному критическому анализу теории индустриального и постиндустриального обществ, теории модернизации, технократии и массового общества» [22, л. 72—74]. Стоит отметить: Ю. А. Левада фигурирует в проекте списка членов Информационного бюллетеня в 1970 г. [26, л. 34]. События, которые в литературе и в профессиональном сообществе социологов получили название «разгрома», начались осенью 1971 года. А. М. Румянцева освободили от занимаемой должности и около года исполняющим обязанности был Н. И. Лапин. «Надо отдать должное Лапину — он хотя и имел наставления из отдела науки о чистке ИКСИ от «засоренности кадров», — вспоминает В. В. Колбановский, — не совершил ни одной «гражданской казни», ни одной крупной реорганизации. Он серьезно занимался делами института, его службами и аспирантурой, вырабатывал конкретные планы преодоления раскола ИКСИ и докладывал их ученому совету, но, подчеркиваю, он не совершил никаких перемещений и увольнений в силу высокой личной порядочности и понимания того, насколько ценен в институте творческий потенциал» [7]. Таким образом, никаких разгромных действий предпринято не было, но и решить ситуацию положительно Н. И. Лапин был не в состоянии. В марте 1971 г. в ИКСИ работала комиссия отделов ЦК, МГК КПСС и Черемушкинского РК КПСС, вскрывшая «существенные недостатки»: слишком велики сроки исследовательских работ, ни одно фундаментальное исследование не завершено, недостает исследований, имеющих практическое значение в общесоюзном масштабе, в особенности исследований по проблемам социального

планирования и прогнозирования, некоторые подразделения серьезно нарушали сроки плановых заданий, ученый совет функционировал нерегулярно и не стал центром научной жизни института.» [32]. Результатом этого явилась перестройка работы института, начавшаяся с упорядочения структуры научных подразделений, «направленная на упразднение малочисленных и не отвечающих профилю института отделов и секторов».

В мае 1972 г. директором был назначен член-корреспондент М. Н. Руткевич. Начался массовый уход сотрудников из института — первым уволился Ю. А. Левада (он перешел в ЦЭМИ), Ф. М. Бурлацкий был переведен в Институт государства и права, в декабре 1972 г. уволился И. С. Кон, В. Н. Шубкин и А. А. Галкин ушли со своими сотрудниками в ИМРД. 13 июля 1972 г. вышло Постановление Президиума Академии наук СССР «О деятельности Института конкретных социальных исследований АН СССР и уточнении его наименования». Теперь он стал называться Институтом социологических исследований [33]. В связи с изменением научной проблематики исследований и уточнением названия в институте был проведен конкурс на замещение должностей. Начался новый период деятельности института.

Литература

1. Batygin G., Deviatko I. Russian sociology: Its origin and current trends // International handbook of contemporary developments in sociology / Ed. by R. Mohan. Westport, CT: Greenwood, 1994.
2. Shlapentokh V. The Politics of Sociology in the Soviet Union. Boulder: Westview Press, 1987.
3. Центр хранения современной документации (ЦХСД). Ф. 5. Оп. 35. Д. 210.
4. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 499. Оп. 1. Д. 438. Л. 41.
5. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской академии наук. 1993. N 7. С 628—639.
6. Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1966. N 5. С. 15—22.
7. Историко-социологический архив (ИСА). Воспоминания В. В. Колбановского.
8. ИСА. Коллекция документов по истории социологии.
9. Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. Конкретные социологические исследования и идеологическая деятельность / Академия общественных наук; кафедра научного коммунизма. М.: Мысль, 1968. С. 6.
10. Интервью с И. В. Бестужевым-Ладой. Коллекция фонограмм ИСА.
11. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 59. Л. 82—84.
12. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 60. Д. 43.
13. Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1968. N 10. С. 6.
14. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 62. Д. 67. Л. 109.
15. ИСА. Фонд отдела кадров.

16. Организация Института конкретных социальных исследований // Вестник Академии наук СССР. 1968. N 9. С. 155.
17. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 7.
18. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 8.
19. 47 пятниц [Вып. 1]: Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов: Программы и документы исследования: Информационный бюллетень N 10 (25), серия: методические пособия / Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований; Советская социологическая ассоциация; Институт конкретных социальных исследований АН СССР; Б. А. Грушин — рук. авт. колл., В. А. Нейгольдберг, М. С. Айвазян — члены авт. Совета проекта; Ред. колл. Б. А. Грушин, Л. А. Оников, Г. Л. Смирнов; Общ. ред. и предисловие Б. А. Грушина. М.: Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1969.
20. Бестужев-Лада И. В. Прогнозирование социальных потребностей молодежи: опыт социологического исследования. М.: Наука, 1978.
21. Интервью с В. А. Ядовым. Коллекция фонограмм ИСА.
22. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 24.
23. Zemtsov I. Soviet sociology: A study of lost illusions in Russia under Soviet control of sociology. Fairfax, Virg.: Hero Books, 1985. P. 71—74, 96.
24. Ядов В. А. Методология и процедуры социологического исследования. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1968.
25. Интервью с М. Н. Руткевичем. Коллекция фонограмм ИСА.
26. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 25.
27. Интервью с В. Н. Коллекция фонограмм ИСА.
28. ИСА. Фонд Советской социологической ассоциации.
29. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 14.
30. Интервью с В. Н. Шубкиным. Коллекция фонограмм ИСА.
31. Интервью с Ю. А. Левадой. Коллекция фонограмм ИСА.
32. АРАН. Ф. 1977. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.
33. О деятельности Института конкретных социальных исследований // Вестник Академии наук СССР. 1972. N 10. С. 9—10.